

Б.З. ДОКТОРОВ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МНОГО СДЕЛАЛ И МНОГОЕ ДЕЛАЕТ (к 85-летию Ж.Т. Тощенко)

Б.Д. С Жаном Терентьевичем Тощенко я познакомился давно, в начале 1970-х гг. Мы оба работали в области изучения общественного мнения. Я жил в Ленинграде, он – в Москве, частых встреч у нас не было. Как зав. отделом Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС Ж.Т. Тощенко в 1985 г. поддержал мою докторскую диссертацию. Мой отъезд в Америку не нарушил характера наших отношений, более того, сделал их дружескими.

В 2005 г. я приступил к интервьюированию советских/российских коллег, в 2007 г. была опубликована моя беседа с Тощенко¹. И вот – на пороге 85-летия Жана Терентьевича. Как не откликнуться на такую дату? В процессе обсуждений с ним родилась идея этого текста: биографического по содержанию и синтетического по форме. Это – автобиография и мои рассуждения по поводу рассказанного Тощенко. Преследовались две обычные для такого случая цели – познакомить читателей с траекторией жизни, с главными результатами труда Ж.Т. Тощенко, и одна – не совсем обычная, даже провокативная – поиск признаков биографичности в его профессиональной деятельности.

Занимаясь методологией анализа биографий, я обратил внимание, что не только творчество поэтов и прозаиков, композиторов и художников биографично (это давно признано), но и то, что делают социологи, тоже не случайно. Собранный мною архив биографий российских социологов, изучение жизненных путей классиков американской рекламы и пионеров в изучении общественного мнения дает множество примеров глубокой и удивительной биографичности их творчества. Это и мировоззренческие установки, и выбор профессиональной деятельности, и характер разрабатываемой проблематики, тематики, и язык, стиль создаваемых текстов.

Вопрос о биографичности творчества социологов относительно новый, в моих исследованиях он начал обсуждаться лишь лет пять-шесть назад. Интересные рассуждения о феномене биографичности творчества ученых можно найти в рамках психологии творчества и некоторых науковедческих работах, но реже – в контексте современной истории науки.

После выхода известной книги Ж.Т. Тощенко «Парадоксальный человек» (2001) прошло без малого два десятилетия. Книга сразу была принята широким кругом специалистов, на нее постоянно ссылаются, а тема парадоксальности сознания и поведения применительно к разным группам населения и личности обсуждается и развивается. В свете сказанного не удивительно, что автор книги – прямо или косвенно – признается парадоксальным человеком. Вместе с тем для науки, для понимания специфики творчества социологов интересна не просто констатация парадоксальности ученого, а выявление форм и границ ее.

На начальной фазе обсуждений с Ж.Т. Тощенко плана настоящей статьи возникло соображение о том, что он обозначит некоторые реперные точки в становлении его научных интересов, а я постараюсь проследить их динамику. Это – нечасто встречающаяся, но достаточно проработанная науковедческая процедура. Сам по себе такой анализ не подразумевает поиск черт биографичности исследовательского ряда ученого. Однако рассмотрение «реперных точек», вех в динамике научных интересов Тощенко, подтолкнуло меня к прочтению воспоминаний через мои представления о биографичности его творчества, а далее – к стремлению увидеть здесь парадоксальность.

¹ Тощенко Ж.Т. «Социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина» (интервью Б.З. Докторову) // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 149–170.

Обратимся к множеству реперных точек становления и динамики исследовательских интересов Ж.Т. Тощенко, подчеркну, обозначенных им самим².

Осознанное и успешное изучение истории

Ж.Т. В школе любимыми предметами были математика и история. Победитель школьных соревнований по математике. Были раздумья – попытаться поступить на мехмат МГУ на отделение астрономия, так как меня манили большие числа, или на истфак, который, по моему мнению, был ближе к реальной жизни и мог позволить мне продолжить дела, которым посвятили жизнь мои родители – сельские учителя: служить людям, преобразовывать жизнь людей в лучшую сторону.

Нацеленность на проблемы общественного значения проявились в написании курсовых работ. На первом курсе в рамках семинара известного профессора А.Г. Бокщанина я написал работу «Тирания

Писистрата и революция Клисфена». При подготовке этой работы (90 страниц рукописного текста) я опирался на труды по истории Древней Греции, документы того далекого VI в. до н.э. Именно тогда я впервые испытал радость от прикосновения к тайнам человеческой истории. На втором курсе в рамках семинара академика С.Д. Сказкина была подготовлена работа «Земледельческая рента в социально-экономической жизни Средневековья», которая потребовала от меня сосредоточиться на поиске и интерпретации документов в основном по истории Франции и Германии, а на этой основе понять, почему она стала исходной точкой многих крестьянских волнений, бунтов и других насильственных актов. На третьем курсе на семинаре профессора, бывшего дипломата С.Н. Бушуева работа «Социально-политическая ситуация в России в период Крымской войны (1855–1856)» впервые свела меня с архивными материалами, с многочисленными публикациями по истории этой войны. И не только отечественными. На четвертом курсе я определился с темой, которая затем переросла в дипломную работу (тогда была традиция дипломную работу готовить не менее двух лет) «Национальный вопрос в первые годы советской власти (1917–1918)». Я с огромным удовольствием проводил дни в Центральном архиве Октябрьской революции, знакомясь с поразившими меня документами Народного комиссариата по делам национальностей: безбрежное море записок, просьб, ходатайств, требований и предложений, как решать конкретные вопросы национальных отношений. Именно тогда я ощутил живое биение творческого поиска народа, в котором переплетались самые разные комбинации рационального решения национальных проблем – от серьезных до комичных, от интернациональных до сугубо прозаических интересов небольших этнических групп, от претензий на особость своего положения до просьб в становлении национальной школы. Я ощутил реальное дыхание истории. Защита была оценена весьма высоко – с рекомендацией поступления в аспирантуру. Тем более что с третьего курса я был сталинским стипендиатом как отличник учебы и активный общественник.

Но в год выпуска (1957) я совместно с друзьями – Ю.Н. Афанасьевым (впоследствии одним из руководителей Региональной группы в Верховном Совете СССР и ректором РГГУ) и В.В. Гришаевым (в дальнейшем видным историком сибирской деревни) – решили попробовать себя в реальной жизни, а потом, возможно, вернуться в науку. Кстати, я заметил, что авторитетом и влиянием у нас на истфаке пользовались доценты и профессора, которые имели не только научный, но и политический и общественный бэкграунд

²Здесь и далее текст Б.З. Докторов обозначен курсивом.

по сравнению с молодыми преподавателями, у которых не было иной траектории кроме «школа – вуз – аспирантура – преподавание». Получив комсомольские путевки в ЦК ВЛКСМ, мы уехали в распоряжение Красноярского крайкома комсомола.

Б.Д. Ж.Т. Тощенко начал расставлять реперные точки с момента выбора будущей профессии и ее освоения в МГУ. Мне хотелось бы осветить немного то, что предшествовало этому. Воспользуюсь интервью 2007 г.: «Если обобщить мои детские воспоминания об этом периоде жизни, то стоит сказать о трех самых сильных впечатлениях. Первое – это страшная гибель отца как партизана на глазах семьи. Второе – расстрел всех жителей, от малых детей до старух, трех соседних лесных деревень за содействие партизанам. <...> И третье – из нашей деревни ушли воевать 127 мужчин. После войны вернулись в деревню, считая и искалеченных, 21. Поэтому мы, дети и подростки, пахали, сеяли, косили, метали стога и работали на молотилках. Эти мужские крестьянские обязанности мы несли все школьные годы. Помню свой первый заработок за сезон работы: мешок зерна и 220 кг картошки. Школьные годы были такие же, как и у миллионов сельских детей. До 4 класса я учился в своей деревне, с 5-го пошел в семилетнюю школу в соседней (она была расположена в 2,5 км). С 8 класса я начал учиться в районной средней школе и три года проходил ежедневно по 16 км (по 8 туда и обратно). Помимо учебы, которая давалась мне легко, был комсоргом класса, посещал секцию по фехтованию, писал стихи, рисовал».

Еще юношей Жан смог подавить в себе романтику звезд, межпланетных пространств. Наблюдаемое, действительное – расстрел на глазах семьи отца, трагедии односельчан, труд и трудности первых послевоенных лет – формировали «земное» отношение к реальности. Выбор истории в качестве профессии, пожалуй, точнейший для будущего погружения в мир социальных отношений.

Далее – освоение истории, языка анализа развития общества, обучение у первоклассных специалистов в разных областях исторической науки, дружба с незаурядными, как показала дальнейшая жизнь, студентами-историками (Юрий Афанасьев и Василий Гришаев) – свидетельство верности выбора профессиональной дороги и интереса к науке. Движение к комсомольской работе вместо обучения в аспирантуре – что было типичной моделью начала самостоятельной жизни молодых обществоведов – стремление на практике понять окружающий их социальный мир. Наверное, при этом была некая доля романтики – «а я еду за туманом и за запахом тайги», но в большей мере – стремление по-настоящему участвовать в освоении Сибири.

Освобожденная комсомольская работа

Ж.Т. После кратковременной работы в мостоотряде № 5 Абаканстройпути (строившего железную дорогу Абакан – Тайшет) я перешел на комсомольскую работу. Желание анализировать вылилось в активное участие в работе местных газет «Советская Хакасия», а затем «Красноярский комсомолец», которые печатали мои статьи. Кроме того, поступил в Иркутский институт народного хозяйства, так как решил, что мне надо разобраться в экономических проблемах.

Будучи организатором (как секретарь Абаканского горкома ВЛКСМ) движения за «коммунистическое отношение к труду» (была и такая не безынтересная творческая инициатива, к сожалению, извращенная и дискредитированная тогдашними бюрократами), я начал анализировать (больше для себя и частично для обсуждения на комсомольских встречах), каковы причины и следствия этого движения, что оно несет в

молодежную среду, в чем оно испытывает трудности и что ему мешает реализоваться. Именно на этом пути от секретаря Абаканского горкома комсомола до секретаря Красноярского сельского (были такие!) крайкома ВЛКСМ я получил, возможно из-за активного участия в описании жизни молодежи, прозвище «профессор». Эту тягу к аналитике заметили и курировавшие нас работники крайкома КПСС, предложив поехать учиться в АОН при ЦК КПСС.

Б.Д. Частый, типичный для социологов первых поколений путь в социологию: вчерашние студенты – технари, обществоведы и гуманитарии, работая в комсомоле и наблюдая реальную жизнь, стремились анализировать происходящее и становились «стихийными» социологами. В то время в Сибири на высоких партийных должностях работало немало образованных инженеров. Они ощущали потребность в изучении сознания и поведения рабочих, молодежи и других групп населения и поддерживали тех, кто сам осознавал это и осваивал новые для тех лет методы социологии. Безусловно, комсомольский работник, пишущий для местных изданий, имеющий отличное московское образование и обучающийся в Институте народного хозяйства, уже признанный молодежью «профессором», привлекал внимание партийного руководства города и края. Рекомендация для учебы в АОН при ЦК КПСС – абсолютно естественное решение «верхов».

Обучение в АОН. Историк становится социологом

Ж.Т. В 1964 г. (в год моего поступления в аспирантуру) в Академии была образована кафедра научного коммунизма во главе с академиком Ю.П. Францевым с социологической лабораторией при ней (рук. И.Г. Петров). Францев как ректор предложил мне (и другим, кто сдал вступительные экзамены на одни пятерки) учиться на этой кафедре. Но это потребовало серьезной смены не только тематики (я пришел туда с намерением изучить историю комсомольскихстроек Сибири), но и методов познания, так как эта кафедра была укомплектована философами и наше обучение строилось по типу философских кафедр.

В поисках нового поворота я вернулся к идеям, которые пытался развивать и решать в своих журналистских поисках: как все же преодолеть многочисленные изъяны в работе комсомольскихстроек, каким инструментом надо пользоваться, чтобы плодотворно построить работу, повседневную жизнь, культуру, отдых, возможность учиться и повышать квалификацию. И главное – как осуществить управление этим процессом. И не вообще в рамках страны, а в конкретных производственных коллективах, тем более что у каждого из них были свои особенности, специфика и инструмент, который бы решал эти особые задачи.

Начались поиски, раздумья. Идея пришла постепенно. В связи с изучением того, как решались проблемы жизни на новых стройках в годы первых пятилеток, я хотел найти ответ на мои поиски форм и методов решения социальных проблем в то время. И обнаружил, что в планах организации работы и жизни рабочих на сооружении Днепрогэса, Магнитогорска, Сталинградского тракторного завода и многих других предприятий, в планах строительства этих объектов частично отражались социальные проблемы – жилья, обучения, стимулирования труда, отдыха, общественной деятельности. Более того, я обнаружил в плане первой пятилетки раздел, который так и назывался «социально-экономические задачи» (к сожалению, такая формулировка в планах последующих пятилеток не использовалась вплоть до 1970-х гг.). Одновременно обратился к английской литературе и с удивлением узнал, что термин *social planning* был употреблен в трудах такого ученого, как Г. Мюрдаль, анализировавший опыт советских пятилеток, в которых, по его мнению, содержались решения важнейших социальных проблем. Открытием для меня стал и тот факт, что этот

термин был использован в «Новом курсе» Ф. Рузвельта в 1934 г. Именно опыт решения социальных проблем в СССР и его модифицированные формы за рубежом составили мою первую теоретико-методологическую основу понимания, как и каким образом можно на них воздействовать. Тем более для меня стали важными ориентирами два поистине величайших документа по решению социальных проблем. Первый – это план ГОЭЛРО (план электрификации России), содержащий не только комплекс технических, технологических, организационных, экономических проблем, но и задачи сугубо социального свойства – новые формы организации труда, преобразование повседневных условий жизни, внедрение культуры труда, быта и отдыха. Второй документ и практика его организации – это ликвидация неграмотности в стране, которая стала одной из масштабных социальных программ по изменению самосознания огромных масс людей. Кстати, мне впоследствии на ряде научных встреч в рамках ЮНЕСКО пришлось рассказывать зарубежным коллегам, в основном из бывших колониальных стран, по их просьбе, что представлял собой этот проект, как он был организован и реализовывался. В памяти всплыло детское воспоминание, как мать и отец обучали грамоте мужиков нашей деревни, как заскорузлые руки сжимали карандаши и как катился градом пот от усилий овладеть грамотой.

Уже во время начавшейся работы над этой темой произошло одно важное и знаменательное событие, оказавшее огромное влияние на жизнь страны. Выступая на очередном съезде КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС В.С. Толстиков рассказал о совместном поиске ученых и руководства объединения «Светлана» ответа на новые потребности времени, что нашло отражение в разработке и реализации плана социального развития этого предприятия. В этом предложении я увидел тот механизм решения социальных проблем уже не в масштабах всей страны, а в конкретных производственных коллективах, социальные проблемы которых меня особенно волновали. Желание узнать, что сделали ленинградские ученые, сподвигло меня на поездку в Ленинград, где я встретился с теми людьми, которые непосредственно занимались этой проблемой, – В.Р. Полозовым, Б.Р. Рященко, Е.И. Кузьминым, А.С. Пашковым. Они рассказали – вернее поделились опытом составления плана развития «Светланы», даже вручив мне один из экземпляров. Ознакомление с их работой побудило меня познакомиться и с проводившимся тогда исследованием, которое возглавляли в ту пору молодые кандидаты наук В.А. Ядов и А.Г. Здравомыслов. С ними я подробно беседовал потом в АОН, куда они приезжали читать лекции по социологии.

Полученная информация меня очень заинтересовала, и я предложил руководству Московского метизного завода «Пролетарский труд» составить вместе план социального развития. Это была интересная и вдохновлявшая меня работа, я регулярно посещал этот завод и стал чувствовать себя членом этого коллектива. Результаты проделанной работы были впоследствии опубликованы в журнале «Партийная жизнь».

Такая постановка вопроса о социальном планировании была в то время в новинку, звучала непривычно, и поэтому меня пытался отговорить зав. кафедрой В.Г. Афанасьев³, будущий главный редактор «Правды». В ответ на мое упорство и упрямство, что я хочу заниматься этой темой, он сказал, что-то вроде «шут с тобой, занимайся этой темой, но чтобы она была написана на достойном уровне».

Моя учеба в Академии завершилась защитой кандидатской диссертации «Социальное планирование в системе научного управления социалистическим обществом», в которой был дан обзор опыта и его осмысления и применения как в Советском Союзе, так и за

³В.Г. Афанасьев, участник Великой Отечественной войны, офицер истребительной авиации, после войны закончил Читинский пединститут, написал кандидатскую (еще служба в СА), а затем и докторскую диссертацию, будучи доцентом Челябинского политехнического института. В конце 1950-х гг. он принял участие в закрытом (без открытого провозглашения авторства) конкурсе по написанию нового учебника «Философия». К удивлению членов комиссии учебник, признанный победителем, после вскрытия конверта оказался написанным неизвестным доцентом из Челябинска. Его перевели в АОН при ЦК КПСС, по его учебнику с 1960 по 1990 год училось не одно поколение студентов. – Прим. Ж.Т.

рубежом. Одна из глав была посвящена планам социального развития производственных коллективов. Для меня диссертация и опубликованная статья стали примечательным событием и в том плане, что ее, аспирантскую работу, процитировал в своей монографии «Научное управление обществом» сам заведующий кафедрой, будущий академик В.Г. Афанасьев. Кстати, этот поступок – цитировать аспиранта – стал для меня уроком в будущем по отношению уже к своим аспирантам.

Б.Д. АОН при ЦК КПСС – по сегодняшним представлениям – была мощным гуманитарным и обществоведческим университетом, который готовил партийную элиту. Расположенная в центре Москвы с большим кампусом, прекрасными библиотеками, Академия обеспечивала слушателей возможностями для обучения. Место АОН в структуре ЦК КПСС, конечно, делала ее высокоидеологическим образовательным центром, работавшим в интересах партии. Однако из этого не следует, что обучение было консервативным, начетническим, догматическим. Конечно, многое зависело от профессоров и от базовых установок и представлений о партийной работе самих слушателей. Но помню, как в начале 1970-х я вместе с приглашенными из разных регионов социологами участвовал в небольшом семинаре, который вел чл.-корр. АН СССР правовед и политолог Д.А. Керимов. Он сформулировал ряд вопросов для обсуждения и услышал... глубокое молчание аудитории. Никто не решался начать рассуждать. Тогда он сказал: «Если мы здесь не можем обсуждать эти темы, то тогда где их можно обсуждать?»

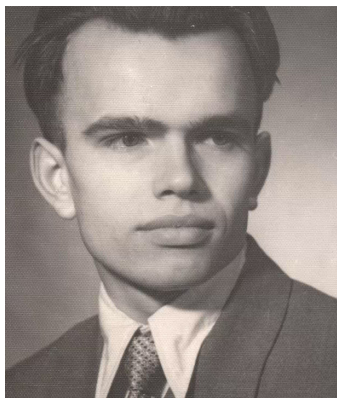
Ж.Т. Тощенко в высшей степени повезло с преподавателями, с которыми он мог непосредственно намечать и планировать ход своей работы. Академик Ю.П. Францев – широко эрудированный гуманитарий и обществовед, человек либеральных взглядов, один из создателей Советской социологической ассоциации и ее первый президент. Руководителями кандидатской диссертации Тощенко были будущие академики В.Г. Афанасьев и Г.Л. Смирнов.

В нашем интервью он вспоминал, что огромную роль в превращении его из историка в философа и социолога сыграли лекции профессора И.С. Нарского, исследователя западной (в основном немецкой) философии, профессора Е.П. Ситковского, специалиста по Гегелю, и профессора А.К. Курылева, читавшего курс лекций по социальным проблемам советского общества.

В начале обучения в АОН Тощенко видел себя историком, он намеревался изучать историю комсомольскихстроек Сибири. Однако он быстро осознал мелковатость темы, от него ждали значительно большее. Опыт практической работы и самостоятельное углубленное изучение новых подходов к анализу социально-экономической проблематики подвели его к разработкам ленинградских экономистов, социологов и психологов, получивших название «планы социального развития предприятий». Многие дала ему поездка в Ленинград, знакомство и встречи с инициаторами этого научного и управленческого начинания, с А.Г. Здравомысловым и В.А. Ядовым. Несмотря на осторожное, даже скептическое отношение своих наставников к избранной им теме, Тощенко подготовил кандидатскую диссертацию по философии и успешно защитил ее в 1967 г. Социология еще не была признана в СССР самостоятельной наукой, она лишь стремилась доказать право быть ею. Но исследование Тощенко, конечно же, было социологическим.

Ж.Т. Тощенко было 29 лет, когда он стал аспирантом, хотя попытка стать им была предпринята и двумя годами ранее. В 1962 г. обком и крайком партии рекомендовали его для обучения в АОН, но он не был зачислен – «слишком молод». Историк стал социологом, не случайно, не спонтанно. Переход был подготовлен работой Тощенко в комсомоле, стремлением искать решения наблюдавшихся им проблемных ситуаций. И в этом смысле сделанное ответственным комсомольским работником было биографическим, инновационным, но не парадоксальным.

Социолог труда и управления

Ж.Т. Тематика социального планирования стала для меня первым основательным этапом в моем профессиональном становлении. Вернувшись в Красноярск, я отказался от предложения продолжать карьеру в партийных органах и попросился отпустить меня на преподавательскую работу. Сначала в пединституте, затем в университете я с большим удовлетворением погрузился в проведение социологических исследований на предприятиях края, одним из которых был Красноярский алюминиевый завод. В дальнейшем, когда в университете была образована социологическая лаборатория, на хозяйственных началах мы вели социологические исследования также в Главкрасноярскстрое (коллектив в десятки тысяч человек), на Сибтяж-

маше и других предприятиях, а также в колхозах и совхозах края. Со временем задачи усложнялись: мы составляли планы развития города Красноярска и социальный паспорт Красноярского края, который в дальнейшем с участием Г.Ф. Куцева (в будущем зам. министра высшего образования СССР и ректор Тюменского госуниверситета) стал важным документом для руководства города и края как основа для их планового развития.

Объем работы был значителен, а заработанные средства позволяли содержать коллектив более чем в 50 человек. Вспоминается такой эпизод. При очередной проверке университета комиссия Минвуза была удивлена тем, что объем хозяйственных работ социологов был выше, чем у коллег на физическом, биолого-химическом и математическом факультетах.

Увлеченность **социальными проблемами труда** поворачивалась новыми гранями исследований. Сама жизнь привела к формулировке более высокого уровня обобщающей темы «Социальные проблемы новых производственных коллективов», которые в огромном количестве возникали в крае при освоении природных богатств, их переработке. Результаты этой проблематики нашли отражение в нескольких сборниках под одноименным названием, а также в первой моей статье в журнале СОЦИС в 1975 г.

Эти масштабные и поглощающие все время заботы и поиск их решения не только на научном, но и управленческом (для руководителей производства) уровне стимулировали мою подготовку докторской диссертации «Методологические проблемы социального планирования», которую я защитил в Уральском университете в 1973 г. Многоплановая, ответственная работа позволила глубоко вникнуть в повседневные дела производства, что потом позволило мне с большой убежденностью говорить о себе как о социологе труда и управления.

Моя первая социологическая любовь – социология труда и управления – не отпускала меня всю жизнь, несмотря на серьезные изменения в последующей работе и в тематике. Потому после первой монографии «Социальное планирование» (Красноярск, 1971) (она была в обновленном и дополненном виде издана в Политиздате в 1980 г.) (это была моя первая в социологии монография – до этого были только статьи) я продолжил углубляться в поиск социальных резервов труда на более высоком уровне. В процессе поиска я вышел на **понятие «инфраструктура»**, которое, возникнув в военном деле, осваивалось географами и экономистами. Но в их интерпретации практически никак не затрагивались социальные проблемы. Сопоставив с тем, над чем я уже размышлял более десяти лет, я использовал понятие «социальная инфраструктура» как комплекс условий, обеспечивающих трудовую и повседневную жизнь работника. Следствием этого стало появление в 1980 г. также первой в отечественной социологии монографии «Социальная инфраструктура: сущность и пути развития».

Дальнейшее развертывание идей социологии труда произошло в монографии «**Социальное проектирование**» (1983), написанной в соавторстве с Н.А. Аитовым и Н.И. Лапиным.

Это было некое оппонирование технико-экономическому обоснованию, которое было обязательной практикой при создании новых или реконструкции производств, а социальные проблемы практически не затрагивались. В монографии мы обосновали методы проектирования и дали подробный анализ нарождающегося опыта решения социальных проблем производства, территориально-производственных комплексов, городов.

Мое представление о социально-трудовых процессах серьезно обогатилось в 1980-е гг., когда мы совместно с коллегами из ГДР вели совместное исследование развития личности работника в условиях гибких производственных систем. В то время изменения в технологии и технике только созрели, но нетрафаретность новой производственной среды позволила получить очень серьезные результаты. В становлении меня как социолога труда огромную роль сыграл и совместный советско/российско-канадский проект «Путь России к рынку», проводившийся с Карлетонским университетом (Дж. ДеБарделебен) в 1989–1994 гг., когда отечественное производство трудно и мучительно приобретало опыт причастности к условиям рынка. Это исследование обогатило меня новой информацией о том, как меняется поведение работников под влиянием экономических, а потом и политических факторов.

Еще в 1970-е гг. я читал лекции по социологии труда будущим инженерам Красноярского политехнического и технологического институтов. Логику и структуру этого курса я долго вынашивал, апробируя в статьях отдельные аспекты. Эти поиски нашли отражение сначала в монографии «Социальные резервы труда: актуальные вопросы социологии труда» (1989), а затем в монографии «Социология труда: опыт нового прочтения» (2005). К этому времени у меня окончательно созрела концепция структуры этого понятия, что затем воплотилось в нескольких изданиях учебника «Социология труда» (с участием Г.А. Цветковой). Его структура не копировала ничей опыт. Дело в том, что я не был согласен с коллегами, которые представляли социологию труда как набор некоторых актуальных тем, в самом деле важных. Но были непонятны ни логика, ни порядок и ни последовательность их раскрытия. Поэтому в основу своего видения я положил генезис идей, которыми обогащалось производство, – от открытия возможностей экономического и организационного человека (Ф. Тейлор) через человека профессионального (Г. Форд) и социально-биологического (Э. Мейо, П.М. Керженцев) до управляющего человека. Этим было показано, как сама жизнь диктовала и обогащала научное знание и позволяла достичь новых рубежей.

Понятно, проблемы труда недостаточно было только констатировать – нужно было сказать, как их регулировать, совершенствовать, изменять. Именно этот аспект развернул меня к социологии управления (социальное планирование было одной из его функций). Было предложено рассматривать эти проблемы через алгоритм управления – через управленческий цикл – начиная от предвидения и прогнозирования и завершая организацией и регулированием творческих потенций, социально-психологического климата. Здесь я подошел к развитию концепции моего научного наставника В.Г. Афанасьева.

Б.Д. Описание Жаном Терентьевичем его многолетней включенности в изучение проблем труда и управления – не только страницы биографии, здесь – пунктирное изложение развития социологии труда в СССР/России. И в этом нет ничего удивительного, таковы воспоминания многих ученых, посвятивших годы разработке определенного круга теоретических и методологических проблем. С одной стороны, они сами задают концептуальные рамки анализа меняющейся проблематики, с другой – стараются следить за работой коллег, постоянно быть на переднем крае науки.

Обращает на себя внимание несколько выше написанное (лично) Тощенко: «Сама жизнь привела к формулировке более высокого уровня обобщающей темы...» и «...сама жизнь диктовала и обогащала научное знание и позволяла достичь новых рубежей». Это – явное указание на биографичность проблематики его исследований. Тема и содержание докторской диссертации – продолжение повседневной исследовательской практики и обобщение результатов теоретико-эмпирических разработок.

Думается, успех деятельности хозрасчетной социологической лаборатории, созданной Тощенко, в значительной степени следствие, итог его успехов в руководстве большой и сложной комсомольской организацией Красноярского края. Тощенко знали, ему верили.

В целом вырисовывается интересная траектория вхождения историка, комсомольского лидера в социологию. Познав в АОН вкус углубленной научной работы, Тощенко, вернувшись в Красноярск, отказался от партийной карьеры и самозабвенно углубился в преподавательскую и исследовательскую деятельность. И мы можем проследить, как начинающий ученый превращался в одного из лидеров отечественной социологии труда.

Синтез социологического и исторического

Ж.Т. В начале 1980-х гг. я вышел на совершенно другую проблематику, которая во многом определила мои последующие исследовательские интересы – **второе мое научное направление**. Может показаться необычным, что этому во многом способствовал поворот в моей собственной биографии. В 1975 г. я был приглашен на работу в АОН при ЦК КПСС в лоно исследователей идеологической работы, которое потребовало освоения нового семантического пространства. Когда меня назначали на должность руководителя этого направления, я возражал, говоря, что никогда не занимался идеологической работой. Однако тогдашний ректор Академии В.А. Медведев (бывший зав. кафедрой политэкономики Ленинградского университета, затем секретарь Ленинградского горкома КПСС и зам. зав. отдела про-

паганды ЦК КПСС) сказал: «Это хорошо, что не знаешь. Это позволит тебе посмотреть на нее другими глазами».

И мне пришлось сравнительно долго приглядываться. Сначала у меня возникли сомнения, вопреки официальной установке, что идеология сочеталась только со словом социалистическая как единственно правильная, научно обоснованная. Реально – и это я видел во время моей 18-летней работы в Сибири – есть и другие мировоззренческие ориентации и установки, которыми люди руководствуются, в которые они верят, но которые слабо или совсем не коррелируют с социалистической идеологией. Значит, следовал вывод, в обществе существует много идеологий и именно из этого надо исходить в организации производственной и повседневной жизни людей.

Вызвала у меня неприятие и другая «истина», когда под идеологией имелось в виду только теоретическое знание, научно обоснованные концепции, апробированные и кем-то одобренные идеи. Я стал исходить из того, что каждый человек – отдает в этом отчет себе или нет – является носителем определенных мировоззренческих ориентаций и значит соответствующей идеологии или даже комбинацией сразу нескольких идеологий. И знание этого многообразия позволяет иметь реальную картину духовной жизни в ее идейно-политическом преобразовании.

Затем меня не устраивала примитивность методов идеологической работы, которая сводилась к политическому просвещению посредством кружков, семинаров, политической и экономической учебы, через работу пропагандистов и агитаторов. И хотя были интересные и заслуживающие внимания формы такой работы (они зависели от таланта пропагандиста, лектора), в большинстве случаев это были формальные акты, ближе к показухе, чем к решению заявленных целей. Но самое главное и уязвимое в такой практике было то, что она исходила из того, что партийей со ссылкой на классиков формулировалось некоторое знание как истинное и единственно правильное, которое надо донести и внедрить в сознание людей. Но это знание нередко мало коррелировало с реальной жизнью.

Постепенно я пришел к выводу, что надо ориентироваться на то, что интересует и заботит людей, и именно на основе этого усвоенного (а не внешнего) знания и строить

работу с людьми. Первая попытка осмыслить эту новую ситуацию привела меня к идее публикации сначала брошюры «Идеология и экономика» (что мне было ближе по прежнему опыту работы), а затем и популярно написанной книги «Идеология и жизнь: социологический очерк» (1983), и несколько позже монографии «Идеологические отношения (опыт социологического анализа)» (1988). К этому времени у меня окончательно созрела мысль, что, решая прикладные задачи, нужно в основу работы с людьми положить знание того, что происходит в их сознании под влиянием обстоятельств их жизни. Недостаточно оперировать понятием воспитание, а надо заняться проблемами политической, экономической, этической и других культур, в которых бы воспитание не рассматривалось как единственная и внешняя сила, а сочеталось с тем, как человек осознает окружающую реальность и как он намерен действовать в соответствии в этом осознанием. Поэтому в подготовленном коллективно учебнике «Идеологическая работа» слово «воспитание» было заменено словом «культура», а анализ строился вокруг того, что такое общественное сознание и как с ним работать.

Подтолкнули к такому выводу слова английского историка и философа Т. Карлейля: «Революции происходят не на баррикадах, а в умах и сердцах людей», сказанные им в XVIII в. при осмыслении английской и французской революций. Однако такое понимание и трактовка идеологии привели меня к конфликту с работниками отдела пропаганды ЦК КПСС, которые увидели в них неоправданную ревизию устоявшихся взглядов и трактовок.

Начиная с 1985 г. в руководимом мной коллективе (я руководил кафедрой и научно-исследовательским отделом одновременно до образования Центра социологических исследований в 1989 г. согласно Постановлению секретариата ЦК КПСС о развитии марксистско-ленинской социологии) мы начали серию всесоюзных исследований различных форм общественного сознания – экономического, политического, нравственного, исторического, которые регулярно повторялись. Они включали не только опросы, но и различного рода интервью, анализ статистики, контент-анализ прессы. В этот период состоялся обмен мнениями с Б.А. Грушиным по поводу того, как разделить понятие общественное мнение и общественное сознание. Тогда я высказал суждение, что общественное мнение связано с актуальными, насущными и неотложными проблемами, в то время как анализ сознания позволяет охватить и глубинные проблемы жизни людей, которые по тем или иным причинам не выходят на первый план неотложного внимания, но составляют образ жизни более целостно и всесторонне.

Эти исследования вывели меня на принципиально новую информацию о том, что было в сознании и поведении людей. Поэтому полученные результаты нашли отражение только в серии брошюр для служебного пользования и в аналитических записках для Отдела пропаганды ЦК КПСС. Но в то же время вместе с В.Э. Бойковым и Вал.Н. Ивановым была подготовлена и опубликована коллективная монография «Общественное сознание и перестройка» (1990). Богатство этой информации трудно было переоценить. Именно на этой базе стало развиваться и крепнуть еще одно направление в моей работе – теория и методология социологии как науки. Одновременно произошло углубление и проникновение в пласты общественного сознания и поведения.

Что касается углубления, анализ полученной информации привел меня к выводу, что человек нередко олицетворяет парадоксальность своего сознания и поведения, которая усилилась в процессе перестройки, а потом в годы рыночных реформ. Впервые **идеи о парадоксальности** мною были заявлены в 1990 г. в нескольких статьях и в публичных выступлениях в прессе (газеты «Правда», «Известия», «Советская Россия»).

Со временем такая интерпретация реальной жизни людей крепла, обогащалась и привела в 2000 г. к монографии «Парадоксальный человек». Неожиданно идеи привлекли большое внимание и в мире, и в стране. Свое мнение о ней написали П. Штомпка, З. Бауман, Т.И. Заславская и другие коллеги, среди которых своеобразное осмысление этого труда дали Ю.Г. Волков и В.С. Давыдович.

В процессе работы над этой проблемой я вышел на специфический аспект парадоксальности – **кентавр-проблему** – об одновременном существовании в сознании и

поведении людей не просто противоречивых, а взаимоисключающих ориентаций и установок, что стало предметом осмысления в следующей монографии «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)» (2011).

Изучая широкое поле общественной жизни людей, я обнаружил неоднозначный факт – появление и существование в это переломное для страны время феноменов, появление которых в нормальной ситуации немислимо. Это нашло отражение в монографии **«Фантомы российского общества»** (2015), в которой осмысливался уникальный феномен, олицетворяющий особенные, аномальные, экстравагантные формы государственной и общественной деятельности людей, оказывающих серьезное воздействие на политические, экономические и социальные процессы. В этой монографии проанализирована публичная жизнь ряда государственных и общественных деятелей, а также представителей финансово-олигархического капитала, которые сочетали в себе гипертрофированные социальные качества – непомерная жажда власти, неограниченное желание богатства и болезненное стремление к славе.

Б.Д. В моем понимании в выходе Тощенко на совершенно другую проблематику ничего необычного нет. Новые содержательные задачи и требования заставляли Тощенко искать и новые внутренние ресурсы решения ранее незнакомых ему проблем. Поначалу при анализе проблем идеологии Тощенко опирался на свой опыт работы в комсомоле, на результаты социологических исследований и на все то, что он «видел во время моей 18-летней работы в Сибири». Отсюда следовали: вывод о существовании в обществе «многих идеологий», мысль о необходимости в работе с людьми учитывать, что «происходит в их сознании под влиянием обстоятельств их жизни», и т.д. Сегодня вряд-ли кто будет спорить с этими положениями, но в советском обществе конца 1970-х были силы, которые могли расценивать такие утверждения, как проявление буржуазных «измов».

Перестройка, гласность, признание плюрализма мнений заставляли Тощенко идти дальше, многое из того, что в первом десятилетии его работы в АОН смотрелось новым, смелым, содержало общественный вызов, во второй половине 1980-х уже не было актуальным, общественные дискуссии охватывали массу кардинальных проблем прошлого, настоящего и будущего. Идеи парадоксальности сознания, которые начал развивать Тощенко, отвечали духу времени, поэтому они были приняты центральной прессой.

Однако мне представляется, что лишь трансформация внешних обстоятельств (политика, идеология, экономика) не могла бы развернуть внимание Тощенко к проблематике парадоксальности и подвести его сначала к «парадоксальному человеку», а затем к «кентавр-проблеме». В движении Тощенко к новой проблематике я вижу его обращение к своему прошлому – классическому историческому образованию и профессиональным устремлениям. На это указывает уже начало книги – первым делом читатель погружается в мир представлений жителей греческих городов о кентаврах, в которых сочеталась возможность объединения двух взаимоисключающих начал – человека и животного. Вспоминаются сфинкс, грифоны, русалки, лешие... Безусловно, работа над «кентавр-проблематикой» потребовала от автора углубленного философского и социологического анализа многих непростых проблем современности, но всему начало – первая любовь – история.

Социология жизни. Общество травмы

Третье мое направление – **разработка теоретических и методологических проблем социологии**. Оговорюсь сразу: на первых порах становления в социологии я принял господствовавший в то время взгляд на предмет социологии как на изучение социальной структуры. Однако по мере накопления материала я начал сомневаться в такой постановке вопроса, потому что она очерчивала только одну из сторон общественной жизни, пусть и важнейшую. Но сформулированное представление о теории и методологии я отложил до того,

как смог аргументировать иную точку зрения. Это время пришло к концу 1980-х гг. В 1991 г. появилась моя статья «Возможна ли новая парадигма социологического знания?» (СОЦИС, 1991, № 7), где я впервые заявил о том, что у меня есть особая точка зрения на предмет социологии. Она сводилась к следующему – все без исключения социологи в своих исследованиях обращаются к **сознанию людей** (что они знают, **какое мнение** имеют, **какие** испытывают **потребности**, **какими мотивами** и **интересами** руководствуются, какие имеют **ценностные ориентации** и **установки** и т.д.), затем анализируют **поведение, деятельность** людей через их действия (акты, поступки) и, наконец, в зависимости от **окружающей социальной среды** (макро-, мезо- и микросреды), как объективных условий существования сознания и поведения. В самом деле, если взять любое социологическое исследование, то его творцы, отдадут ли себе в этом отчет они или нет, анализируют обычно часть названных мной индикаторов. **Именно сознание, поведение и среда – дают максимально корректный результат**, на основе которого можно судить и о социальной структуре, и о социальных институтах и организациях, о действиях людей в любой сфере общественной и индивидуальной жизни. На этой основе мною был построен учебник, одобренный Минвузом РФ, первое издание которого вышло в 1994 г., а четвертое – в 2010-х гг.

Такая постановка вопроса потребовала выработки представления о названии этой концепции. Я остановился на понятии **социология жизни**, которая впервые была провозглашена, но не развернута Жан-Мари Гюйо в XIX в. в ответ на развитие концепций философии жизни. И в самом деле жизнь каждого человека, начиная с младенческого возраста, состоит из того, как человек осознает себя в мире и понимает мир, как он действует в соответствии с этим осознанием, что тесно связано с условиями их реализации – где человек живет, в какой стране, городе или деревне, в какой организации он трудится, и т.д.

Впервые о такой трактовке я заявил в статье «Социология жизни как концепция исследований социальной реальности» (СОЦИС, 2000, № 2). Эти исходные идеи постепенно развивались, дополнялись до тех пор, пока я не счел возможным обобщить многолетний поиск истины и оформить монографию «Социология жизни» (М., 2016).

Соединение теоретических и эмпирических результатов привело не просто к описанию процессов в социальной структуре общества и анализу так называемого среднего класса, а к определению новых нарастающих изменений, на которые обратили внимание многие коллеги на Западе, среди которых мне хотелось бы выделить исследование Г. Стэндинга «Прекариат – новый опасный класс» (2011). Опираясь на имеющиеся данные и сопоставив их с новыми, я пришел к убеждению, что лицо современного общества определяет не только и не столько средний класс, а все увеличивающаяся прослойка людей, занятых неустойчивым, нестабильным, негарантированным трудом. Именно такой подход привел к появлению монографии «Прекариат: от протоклассу к новому классу» (М., 2018).

Сейчас я заканчиваю монографию «Общество травмы: между эволюцией и революцией». Она базируется на следующих идеях: развитие цивилизации на современном этапе столкнулось с феноменом, еще слабо изученным и мало известным, который мы называем травмой общества. Дело в том, что в мире происходят значительные, значимые и знаковые события, которые невозможно определять и квалифицировать в прежних понятиях – эволюция и революция, описывающих и отражающих происходящие изменения. В настоящее время в мире существует 53 государства, которые, по данным Всемирного банка, в течение длительного периода находились или находятся в состоянии хаотичного, несбалансированного и турбулентного развития. Такое состояние позволяет утверждать, что наряду с основными признанными путями развития – революцией и эволюцией – можно говорить, что в современном мире существует такой специфический феномен, как общество травмы. И этот феномен связывается с анализом современного этапа в развитии России.

Б.Д. Конечно, годы в социологии, опыт теоретических и эмпирических исследований, чтение социологических курсов, активное участие в крупнейших социологических форумах в России и за рубежом, почти четвертьвековое руководство старейшим в стране социологическим журналом «Социологические исследования» должны были привести Ж.Т. Тощенко к разработке крупномасштабной проблематики, имеющей выход на анализ важнейших социально-политических процессов, происходящих в России и мире. Ему ближе всего оказался круг вопросов, охватываемых понятием «социология жизни». Появление внутри нее анализа такого сложного и нового социального явления, как прекариат, выход на проблематику «общества травмы» – убедительное свидетельство эвристичности «социологии жизни».

Представляется интересным анализ биографии (прожитого и сделанного) Ж.Т. Тощенко – его движение от погружения в историю, зондирования локальных проблем и составления планов социального развития трудовых коллективов, анализа общественного сознания и общественного мнения, стремления к поиску новых подходов к идеологической работе, к «парадоксальному человеку» и обществу травмы. Долгий и очень непростой путь. И что особо важно – работа продолжается, поскольку есть мощный теоретический фундамент и серьезно травмированное российское общество, нуждающееся в определении своего места в мире и путей дальнейшего движения.

Парадоксальный человек?

Недавно один из коллег Ж.Т. Тощенко заявил ему, что он сам – парадоксальный человек. В чем это проявляется? Будучи склонным к математике – ушел в гуманитарии. Являясь сталинским стипендиатом, пошел не в аспирантуру, а на комсомольские стройки Сибири. Вместо перспективной партийной работы после успешного окончания АОН при ЦК КПСС и защиты кандидатской диссертации пошел преподавателем в университет. Рассматривался на пост ректора Красноярского госуниверситета, но предпочел быть научным сотрудником научно-исследовательского отдела АОН. Ушел с поста директора Социологического центра вновь образованной Российской академии управления на работу научным сотрудником РАН и стал создавать с нуля социологический факультет в Российском государственном гуманитарном университете.

Рассмотрение реперных точек движения в науке члена-корреспондента РАН Ж.Т. Тощенко не выявляет в нем парадоксального человека. Скорее, он с крестьянского детства, с юности заряжен на работу, на дело, на труд. И парадокс – не в нем, а в том, что и в обществе травмы такие люди еще есть.

ДОКТОРОВ Борис Зусманович – доктор философских наук, профессор, независимый исследователь, почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН (bdoktorov@inbox.ru); ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, научный руководитель и зав. кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (zhantosch@mail.ru).

DOI: 10.31857/S013216250008328-3

A MAN WHO HAS DONE A LOT AND IS DOING A LOT (Zh.T. Toshchenko is 85)

DOCTOROV B.Z.

Boris Z. DOCTOROV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Independent Researcher (bdoktorov@inbox.ru).
